

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Роль эмоционально окрашенной лексики в поэзии русского андеграунда на примере стихотворений Егора Летова

Научный руководитель – Гусев Никита Владимирович

Пушкарева Наталья Григорьевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: natalyapushkareva2111@gmail.com

Ключевые слова: Егор Летов, андеграунд, эмоционально окрашенная лексика, жаргон, окказионализмы, обценная лексика

Литература рубежа XX–XXI вв. и характерные её особенности до сих пор изучены значительно хуже, чем искусство предшествующих эпох. Так, использование в ней эмоционально окрашенной лексики стоит рассматривать именно на примере андеграунда — искусства, по определению ориентированного на радикальный поиск новых выразительных средств и сознательно отвергающего необходимость широкого общественного признания [5]. Свобода от внешних этических и эстетических рамок позволяет максимально полно и разнообразно реализовывать экспрессивный потенциал языка.

Лексические особенности текстов Егора Летова, одного из значимых представителей русского андеграунда, изменялись в соответствии с авторской интенцией.

Раннее творчество Летова в основном посвящено протесту против власти и отрицанию старых, советских устоев. В нежелании опираться на опыт прошлого он схож с обэриутами [2], и приёмы использует во многом те же — причём на нескольких языковых уровнях [2].

Я поэтому лежу
Телеграфно я жую
Клопышы' клопя'тся ро
Это очень даже разве
Это очень понедельник
Это — ро!
Если любишь ты меня
Ты меня люби всегда. [1] —

многие ранние стихотворения Егор Летов пишет заумью. Его идиостиль, нарушающий законы русского языка, соответствует его цели обнажить абсурдность мира, пойти против правил. Поэты андеграунда стремились переизобрести язык так же, как это делали обэриуты. Это в том числе показывает, что поэзия андеграунда вписывается в русскую литературную традицию.

Окказионализмы, которые использует Летов, не только соответствуют абсурдности его текстов [2], а продолжают образ невыразимого, который присутствует как в ранней, так и в поздней его лирике [3]. В ранних стихотворениях можно встретить слова, призванные нарушать правила, как подобает панкам («крейзовая благодать»), однако впоследствии употребление окказионализмов перестаёт быть связано с протестами. «Дрызг и брызг», «напроломное лето моё» — Егор Летов стремится выразить невыразимое в своих текстах.

Радикальному настрою текстов Летова также соответствует обценная лексика, подчёркивающая их ненормативность. «Я полностью обезопасил себя от появления на телевидении — с помощью мата, резких политических заявлений и эпатажа. [...] — Получается, что попадание в телевизор — это уже аксиома опасности сейчас? — Ну да, для нас это опасность, потому что в противном случае мы станем в один ряд со всеми прочими. . . » [4]

Помимо обценной лексики, для того, чтобы не стать «попсом», в текстах использована и разговорная, и просторечная лексика, и панковский жаргон. Просторечная лексика гиперболизирует что-либо, передаёт негативную оценку: «зенки», «застремать», «блевать». Рокерский жаргон («любер», «андеграунд») показывает нарочитую маргинальность текстов и используется без логики, но часто: так, в ранних альбомах восклицание «хой!» множество раз повторяется и в интро, и в припевах. Инвективные выражения направлены и на «поганую молодёжь», и на самого себя, «Егора Дохлого», и на героев, олицетворяющих власть, и на весь мир, «чудесный, как сопля на стене».

«Страна дураков, и сам дурак» — в более поздних периодах критика всего и вся перерастает в экзистенциальные вопросы. Изменившаяся политическая ситуация и рост популярности «Гражданской обороны» заставляют Летова искать глобальный смысл «за пределами политики, идеологии, религии» [4]. Изменяются и лексические средства, которые он использует в текстах.

Употребление инвективной лексики «перерастает» в образ «дурачка» — человека, потерявшего в мире или потерявшего смысл, ничтожного и маленького. В разговорной лексике присутствует множество диминутивов, в основном употребляющимся по отношению к природе или к человеку [1]. К окружающему миру, часто олицетворённому, однако, отношение автора трепетное и нежное: «дождик брёл живой», «апрельские колокольцы», «хрупкий мотылёк». Всё, что относится к человеку — «мыслишки», «ножички», «войнушки» — предстаёт жалко и ничтожно за счёт контраста: эти же слова без уменьшительно-ласкательного суффикса значат что-то великое и даже опасное.

Эмоционально окрашенная лексика, которую использовали поэты русского андеграунда, не является бессмысленным протестом, а, наоборот, отражает авторскую интенцию и даже соответствует русской литературной традиции.

Источники и литература

- 1) Егор Летов Стихи // Выргород, 2016
- 2) Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда
- 3) Симакова В.Е. Поэтический мир Егора Летова // Язык. Культура. Коммуникации
- 4) Сергодеев И. Поэтика Егора Летова: от гражданского протеста до метафизических поисков // Дискурс, 2021
- 5) Грамота.ру: [https://gramota.ru/poisk?query=андеграунд&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=андеграунд&mode=slovari&dicts[]=42)